

КОНЦЫ В ВОДУ

Обнаружив отрезанный нос Ковалева, цирюльник спешит избавиться от него: «его куда-нибудь подсунуть: или в тумбу под воротами¹, или так как-нибудь нечаянно выронить, да и повернуть в переулок». Но сделать это незаметно не получается, и цирюльник отправляется к Исаакиевскому мосту: **«не удастся ли как-нибудь швырнуть его в Неву?..»** (Удается, хотя и не совсем незаметно.)

Ср.: **«Наконец пришло ему в голову, что не лучше ли будет пойти куда-нибудь на Неву?»** Это решение принимает Раскольников после безуспешных — из-за обилия свидетелей на Екатерининском канале — попыток скрыть улики. (Сделать это удастся, однако не в невских водах, а под камнем во дворе, т. е. отчасти по первоначальному плану цирюльника.)

В наиболее полном на сегодня комментарии к «Преступлению и наказанию»² эта переключка не упомянута, так что она, если и была замечена прежде, чего исключить нельзя, по крайней мере не сделалась в дostoевсковедении общим местом.

© Michail Bezrodnyj, 2012

© TSQ 42. Fall 2012 (<http://www.utoronto.ca/tsq/>)

¹ Т. е., вероятно, за одну из т. н. колесоотбойных тумб под аркой во двор.

² Тихомиров Б. «Лазарь! гряди вон!»: Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в соврем. прочтении: Кн.-комментарий. СПб., 2005.

ИЗ КОММЕНТАРИЯ К «ПЕСНЕ О РОДИНЕ»

1

Представление о товариществе как (некровном) родстве и заявление об уникальности русского умения любить:

Наше слово гордое «товарищ»
Нам дороже всех красивых слов.
<...>
Это слово каждому знакомо,
С ним везде находим мы родных.
<...>
И никто на свете не умеет
Лучше нас смеяться и любить.

— восходят, вероятно, к речи Тараса Бульбы:

Вот в какое время подали мы, товарищи, руку на братство! Вот на чем стоит наше товарищество! Нет уз святее товарищества! Отец любит свое дитя, мать любит свое дитя, дитя любит отца и мать. Но это не то, братцы: любит и зверь свое дитя. Но породниться родством по душе, а не по крови может один только человек. Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в Русской земле, не было таких товарищей. <...> Нет, братцы, так любить, как русская душа, — любить не то чтобы умом или чем другим, а всем, чем дал Бог, что ни есть в тебе, а... <...> Нет, так любить никто не может!

Промежуточное звено — «Скифы»:

Да, так любить, как любит наша кровь,
Никто из вас давно не любит!³
<...>
Товарищи! Мы станем — братья!

³ Переключка этого пассажа с речью Тараса Бульбы отмечена в: Вайль П., Генис А. Родная речь: Уроки изящ. словесности. М., 1995. С. 96—97.

Сравнение жизни с Волгой:

Всюду жизнь привольно и широко,
 Точно Волга полная, течет.
 <...>
 И, как Волга, рекою могучей
 Наша вольная жизнь потекла!

встречается уже в сумароковской «Оде» 1760 г., построенной на параллелизме «тока» и «века»:

Долины, Волга, потопляя,
 Себя в стремлении влечешь,
 Брега различны окропляя,
 Поспешно к устью течешь.

Ток видит твой в пути премены,
 Противности и блага цепь;
 Проходишь ты луга зелены,
 Проходишь и песчану степь.

Век видит наш тому подобно
 Различные в пути следы:
 То время к радости способно,
 Другое нам дает беды.

В Каспийские валы впадаешь,
 Преславна мати многих рек,
 И тамо в море пропадаешь, —
 Во вечности и наш так век.

Повод для разговора о Лебедеве-Кумаче как наследнике традиций XVIII в. дает, кажется, и цитирование им в «Песне о родине» речи Сталина на 1-м Всесоюзном совещании стахановцев (ср. «С каждым днем все радостнее жить» и «Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселее») и свежей конституции (ср. «Человек всегда имеет право На ученье, отдых и на труд» и гл. 10 «Основные права и обязанности граждан»,

ст. 118, 119 и 121). Здесь, может быть, уместно вспомнить об отражении манифестов Екатерины в оде Ломоносова 1862 г. и вообще об ориентации панегирической поэзии на официальный документ⁴.

К ИСТОЧНИКАМ «СКАНДАЛИСТА»

Слонимский о Щеголевых:

Как-то я с Зощенко засиделись далеко за полночь в ресторане Владимирского клуба. Расплатились и пошли к выходу. По дороге заметили за одним из столиков огромную фигуру Щеголева. Присели к нему на минутку. И чуть присели, так Щеголев закрыл глаза и заснул. Он собирался расплатиться и тоже уйти, но сейчас, облокотившись на выложенную уже пачку ассигнаций, всей своей тяжестью навалился на нее. Официант ждет. Кроме нас, никого за столиком. Официант не в состоянии разбудить Щеголева. Наконец обращается к нам. Но мы-то при чем? Официант неумолим. Он не отпускает нас, пока мы не оплатим счет Щеголева. <...> В другой раз, когда еще был “Шквал” (ресторан в кончающемся Доме Искусств), я привел совсем пьяного Щеголева к себе в комнату. Он свалился на мою кровать. Затем поднялась его рука, начала писать на стене пальцем какие-то столбцы чисел, затем все перечеркнула и упала. Я вызвал его сына — Павлика, многообещающего в то время историка. Он приехал немедленно и прежде всего стал шарить по карманам отца. Но на сей раз Щеголев сам платил по счету, и Павлик не нашел ничего. Разочарованный, он повернулся к выходу.

— Павлик, надо же папу увезти домой!

⁴ См.: Чернов С. Н. М. В. Ломоносов в одах 1762 г. // XVIII век. М.; Л., 1935. [Сб. 1]. С. 133—180; Погосян Е. Восторг русской оды и решение темы поэта в русском панегирике 1730—1762 гг. Тарту, 1997.

Павлик только рукой махнул в ответ. Не за этим он явился⁵.

А вот как в 11-й главке каверинского «Скандалиста» отразился устный вариант этих воспоминаний:

Ресторан был пуст, лакеи, перевертывая, швыряли стулья на столики, музыканты собирали и складывали ноты, когда Путьятин <...> разыскал Кирилла Кекчеева и сказал ему, выразительно двигая губами:

— Кирюша, поди к отцу, милый. То ли он спит, то ли... Впрочем, не знаю. По-моему, просто за ужин платить не хочет. <...> Я бы его на твоём месте домой отвез. <...>

Кирюша с минуту присматривался к отцу. <...> Он торопливо расстегнул на отце пиджак. Короткие пухлый пальцы его двигались беспрестанно. Улыбаясь от волнения, он запустил эти пальцы в отцовский боковой карман.

Не забыт и мемуарист: в предыдущих главках «Скандалиста» он под именем Суцевский пирует в одной компании с Кекчевым-младшим.

«А МОЖЕТ БЫТЬ, НА ПАЛЬМУ...»

То движение, которым ворон у Эдгара По утвердился на бюсте Паллады:

Perched upon a bust of Pallas just above my chamber door

—

Perched, and sat, and nothing more

⁵ Слонимский М. Записи, заметки, случаи // Звезда. 2010. № 7. С. 138—139.

передается в русских переводах⁶ не слишком выразительным «сел» (Оболенский, Кондратьев, Уманец, Жаботинский, Брюсов, Звенигородский, Федоров, Оленич-Гнененко, Зенкевич, Воронель, Топоров, Милитарев) и иными производными от сесть/садиться: «усевшись» (Пальмин), «пересел» (неустановленное лицо), «оседлал» (Донской) и «садится» (Саришвили). Лучше или, по крайней мере, точнее это движение передают сочетания «вспорхнул и сел» (Мережковский, Лыжин, Саришвили), «взлетел и сел» (Бальмонт, Бетаки), «взмыл и сел» (Голь). Но только одному переводчику (Андреевскому) удалось изобразить это движение с крыловской живописностью:

На бюст Паллады взгромоздясь,
На нем удобно поместясь⁷.

ДВОРЦЫ НА КУРЬИХ НОЖКАХ

В «Сегодня можно снять декалькомани...» Мандельштам уподобляет строения московского кремля голубятням, а город в целом — корпусу фортепиано, наполненному птичьим гулом: «Рояль Москвы слышали? Гули-гули!»⁸. Деревянному коробу старой Москвы⁹ противопоставлены бездушные конструкции будущего:

⁶ См.: По Э. А. Ворон. М., 2009.

⁷ При анализе перевода Андреевского эти строки приводят как пример «резкого снижения стиля» оригинала «прозаизацией и даже вульгаризацией лексики» (см.: Федоров А. Звуковая форма стихотворного перевода: (Вопр. метрики и фонетики) // Поэтика: Сб. ст. [Вып.] 4. Л., 1928. С. 68) и добавления отсутствующих в оригинале «живописных подробностей» (см.: Чередниченко В. И. «Ворон» Эдгара По: В поисках рус. ответа // По Э. А. Указ. соч. С. 200). Внимание на их цитатный характер, насколько мне известно, не обращали.

⁸ Птичью тему поддерживают и упоминаемые в стихотворении урбанимы: «сады замоскворецкие» (о «происхождении» Замоскворечья от скворца см. <http://m-bezrodnyj.livejournal.com/404943.html>) и «Воробьевы горы».

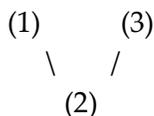
⁹ Ср.: «Спит Москва, как деревянный ларь».

В стеклянные дворцы на курьих ножках
Я даже тенью легкой не войду.

Комментарий Н. Я. Мандельштам к этим строкам:

«Новое» представилось ему в виде <...> «стеклянных дворцов» — несомненной реминисценции «хрустально-го дворца» Достоевского плюс отвратительно построенный дом на Мясницкой, сделанный по замыслу Ле Корбюзье. Столбы — курьи ножки¹⁰.

Иначе говоря, в образе «стеклянные дворцы на курьих ножках» соединены черты (1) лондонского Crystal Palace, описанного в четвертом сне Веры Павловны как прообраз архитектуры социалистического завтра и высмеянного в «Записках из подполья» как скучный итог утилитаристских стремлений к общему благу; (2) московского Дома Центросоюза, недавно начатого строительством; (3) избушки на курьих ножках, обозначающей в славянском фольклоре ворота в царство мертвых. При этом (2) как сооружение с обширными стеклянными поверхностями и стоящее на открытых колоннах ассоциируется и с (1), и с (3):

Комментарий, предлагаемый в «Полном собрании сочинений и писем» Мандельштама:

Речь идет о стиле московских построек¹¹; «курьи ножки» — намек на обиталище бабы-яги русских сказок¹².

¹⁰ Мандельштам Н. Я. Книга третья. Paris, 1987. С. 166.

¹¹ Отсылка к комментарию Н. Я. Мандельштам.

¹² Мандельштам О. Э. Полн. собр. соч. и писем: В 3 т. М., 2009. Т. 1. С. 605.

— вызывает недоумение. Сведения о (2) изложены неверно: стиль (2), во всех отношениях новаторский, объявлен типовым, и получается, будто лирический герой отказывается жить не в светлом будущем, а в современной ему Москве. Связь между (2) и (3) пропала, а сведения о (1) опущены. Почему? Комментатор то ли не сообразил, какое из произведений Достоевского имела в виду Н. Я. Мандельштам, то ли не счел ее наблюдение заслуживающим внимания.

А оно, между тем, совершенно справедливо и может быть подкреплено указанием на «птичий» контекст образа хрустального дворца в «Записках из подполья», возникающий уже при первом упоминании о дворце, в гл. 7: «Тогда выстроится хрустальный дворец. Тогда... Ну, одним словом, тогда прилетит птица Каган». А в гл. 10 образ дворца вовлекается в развернутое со- и противопоставление с образом курятника, которое префигурирует мандельштамовский оксюморон «дворцы на курьих ножках»:

Вы верите в хрустальное здание, навеки нерушимое, то есть в такое, которому нельзя будет ни языка украдкой выставить, ни кукиша в кармане показать. Ну, а я, может быть, потому-то и боюсь этого здания, что оно хрустальное и навеки нерушимое и что нельзя будет даже и украдкой языка ему выставить. Вот видите ли: если вместо дворца будет курятник и пойдет дождь, я, может быть, и влезу в курятник, чтоб не замочиться, но все-таки курятника не приму за дворец из благодарности, что он меня от дождя сохранил. Вы смеетесь, вы даже говорите, что в этом случае курятник и хоромы — всё равно. Да, — отвечаю я, — если б надо было жить только для того, чтоб не замочиться. Но что же делать, если я забрал себе в голову, что живут и не для одного этого и что если уж жить, так уж жить в хоромы. Это мое хотение, это желание мое. Вы его выскоблите из меня только тогда, когда перемените желания мои. Ну, перемените, прельстите меня другим, дайте мне другой идеал. А покамест я уж не приму курятника за дворец.

Иначе говоря:

$$\begin{array}{ccc} (1) & - & (3) \\ & \backslash & / \\ & (2) & \end{array}$$

Дом Центросоюза оказывается во всем подобен Crystal Palace, и «не войду» лирического героя Манделъштама вторит «не приму» подпольного человека Достоевского.

PS. К судьбам героев. В 1935 г. Дом Центросоюза будет закончен строительством, и «Архитектурная газета» назовет его «домом на курьих ножках»¹³. В 1936 г. Crystal Palace сгорит дотла.

PPS. «Сегодня можно снять декалькомани...» было начато в июле 1931 г., а в июне того же года в Мюнхене сгорел Glaspalast, построенный в подражание Crystal Palace.

¹³ Марков Н. В. За оригинальной внешностью // Архитектур. газ. 1935. 24 янв. С. 4 (цит. по: Паперный В. Культура Два. М., 1996. С. 68).

